

ФИЛОСОФИЯ И НАУЧНОЕ ПОЗНАНИЕ

К.Х. Момджян

К ВОПРОСУ О КОНСТРУИРОВАНИИ СОЦИАЛЬНОЙ РЕАЛЬНОСТИ*

Момджян Карен Хачикович – профессор, доктор философских наук, заведующий кафедрой социальной философии и философии истории философского факультета. Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова. Российская Федерация, 119991, г. Москва, Ленинские горы, д. 1; e-mail: karm48@mail.ru

В статье рассматривается роль проектного сознания в истории, которое автор отличает от сознания рефлексивного и ценностного, исполняющего ориентационные, а не конструктивные функции. Анализ истории показывает кардинальное различие между способностью людей изменять техносферу своего существования и их способностью создавать и контролировать институциональные условия собственной жизни, меняя основы и формы человеческого общежития. Сознание людей играло и играет огромную роль в событийной истории, творимой биографически конкретными людьми в конкретных обстоятельствах пространства и времени. Этого нельзя сказать о его способности целенаправленно создавать и изменять глубинные структуры истории, конструировать безличные общественные отношения, выступающие матрицами социального взаимодействия, стоящими за историческими событиями. Эта возможность появляется лишь в XX в., ознаменовавшемся резким ростом потенций проектного сознания. Они проявляются прежде всего в расширении возможностей сознательного контроля, проникающего в сферы общественной жизни, где ранее доминировала стихийная модель развития. Кроме того, проектное сознание обретает беспрецедентную способность совершать масштабные изменения общественной жизни не под давлением исторической необходимости, а в соответствии с ценностными приоритетами людей, их представлениями о должном социальном устройстве. В статье рассматриваются причины такой трансформации, имеющей как положительные, так и негативные последствия. Автор обращает внимание на ошибки и иллюзии проектного сознания, способные приводить к эпизодическому насилию идей над человеческой жизнью. Но это не значит, что воля человека превращается в полноправного демиурга истории, способного реализовывать любые желания и фантазии. История сохраняет свой законосообразный характер, в ней продолжает действовать закон, в соответствии с которым идеи рано или поздно посрамляют себя, когда отрываются от объективных потребностей и интересов людей.

Ключевые слова: сознание, история, общественные отношения, проектирование, конструирование, идеология, потребности, интересы, законы

* Статья подготовлена в рамках деятельности научно-образовательной школы МГУ имени М.В. Ломоносова «Сохранение мирового культурно-исторического наследия», а также при поддержке РФФИ и КАОН, проект № 21-511-93006.

Для цитирования: Момдзян К.Х. К вопросу о конструировании социальной реальности // Философский журнал / Philosophy Journal. 2021. Т. 14. № 4. С. 38–52.

Мы живем в такой период истории, когда общественное сознание претендует на роль полноправного демиурга истории, способного конструировать социальную реальность, исходя из свободно избранных представлений о должном устройстве общества. Спрашивается: насколько обоснованы эти претензии, меняется ли в действительности роль сознания в истории?

Сознание понимается автором как высший уровень человеческой психики, который представляет собой системную совокупность информационных процессов, основанных на вербально-понятийном мышлении и потому *специфичных* для человека¹. Речь идет о символических программах мышления и чувствования, представленных знаниями, мнениями, нормами, образами и другими идеальными конструктами, которые возникают в головах отдельных людей и затем проходят процедуры объективации и социализации, в результате чего обретают знаково-символическую форму и превращаются из достояния творца в достояние многих.

Возникает вопрос: можно ли говорить о возрастающей роли сознания, если оно является важнейшим родовым свойством человека, которое объясняет субстанциальные особенности присущего ему образа жизни? Не означает ли это, что роль сознания исторически константна и не подлечит изменениям?

Ответ на этот вопрос зависит от понимания многозначного термина «роль». В контексте моих рассуждений это понятие соотносится с понятием «функция», но не дублирует его. Функция, согласно Дюркгейму, выступает как «соответствие между бытием объекта и его назначением», роль же я связываю с большей или меньшей эффективностью функционирования.

Функции, исполняемые сознанием в общественной жизни, постоянны и неизменны. Речь идет о двух фундаментальных функциях – *ориентационной и проектной*². Ориентационная функция предполагает осмысление личного бытия, того, что уже существует в мире или должно появиться в нем независимо от воли человека. Эта функция представлена двумя типологически разными способами ориентации. Так, *рефлексивная* ориентация представляет собой *познание* мира в собственной логике его бытия, которая дана нам принудительно и не зависит от наших ценностных предпочтений. Рефлексивная ориентация говорит на языке верифицируемых *суждений истины* и дает нам *знания* о мире, отличные от незнаний и заблуждений³. *Валюативная* ориентация не познает мир, а *осознает* его (К. Ясперс),

¹ Понятие «сознание» шире понятия «мышление», поскольку включает в себя подсознательные и надсознательные (интуиция) процессы, которые не контролируются мышлением, но возможны лишь на его основе.

² О различиях между ориентационной и проектной функциями сознания мышления писал еще Гегель, использовавший в этом контексте понятия теоретического и практического сознания. См.: Гегель Г. Философская пропедевтика // Гегель Г. Работы разных лет: в 2 т. Т. 2. М., 1971. С. 7–8.

³ Я оставляю в стороне полемику о самом существовании объективной истины, в котором сомневаются наиболее радикальные сторонники постмодернизма. Его «умеренные» представители, напротив, признают правомерность «денотативной игры, где релевантность принадлежит истинному/ложному» и ограничиваются призывами к науке отказаться

соотнося с системой ценностных предпочтений человека, которые связаны с выбором конечных целей существования⁴. Валюативная ориентация дает нам не знания, а адаптивно значимые *мнения* о мире, которые бывают общезначимыми и даже общеобязательными, но не могут рассматриваться как объективно истинные или ложные. Как следствие, ценностное сознание – в отличие от сознания рефлексивного – развивается по модели «прогресса как прибавления», качественно отличной от модели «прогресса как улучшения»⁵.

Что касается второй, *проектной* функции, она предполагает использование рефлексивной и валюативной информации (знаний и мнений о реально существующем в мире) для придумывания, конструирования того, чего в мире еще нет, но что должно быть в нем, чтобы жизнь людей оказалась возможной и комфортной.

В данной статье меня интересуют возможности проектного сознания конструировать окружающую и охватывающую нас реальность, реализуя желания и стремления своих носителей. Начнем с того, что способность проектировать свою жизнь на основе избранных ценностных приоритетов изначально присуща человеку, обладающему свободой воли. Это не значит, что наше поведение всецело определяется произволом сознания, – оно, конечно же, детерминировано целым рядом объективных факторов, к числу которых я отношу прежде всего инстинктоподобные влечения к сохранению факта и качества жизни, присущие человеку (как и прочим живым существам), и порождаемые этими влечениями объективные *потребности* и *интересы* людей, нуждающихся в том, без чего дефицитное и бытийное самосохранение в среде оказываются невозможными⁶.

Вместе с тем человек способен делать свободный *выбор* между поведенческими альтернативами (не путать с *вариативным* поведением животных, которое возникает при наличии нескольких одновременно появляющихся влечений, в конкуренции которых побеждает сильнейшее). Свобода человеческой воли предполагает возможность выбора между испытываемыми влечениями безотносительно к силе последних. Эта свобода проявляется как возможность *ранжирования* объективно заданных потребностей – не будучи свободным от их детерминирующего воздействия на поведение, человек способен осознанно делить их на первостепенные и второстепенные и даже блокировать их удовлетворение в зависимости от избранных целевых приоритетов⁷.

Эта возможность сознательно выстраивать желаемый образ жизни открыта каждому, хотя ее реализация требует жертв и доступна лишь тем людям, которые способны преодолевать сильнейшее воздействие со стороны статусно-ролевых предписаний и нормативной регуляции поведения, существующих в обществе (замечу, что наличие подобного принуждения

от попыток «легитимировать другие языковые игры» (Лиотар Ж.-Ф. Состояние постмодерна. М.; СПб., 1998. С. 97).

⁴ См.: Момдзян К.Х. О проблеме общечеловеческих ценностей // Вопросы философии. 2020. № 3. С. 25–41.

⁵ См.: Момдзян К. Does Current Social Philosophy Develop Progressively? // Metaphilosophy. 2013. Vol. 44. No. 1–2. P. 19–23.

⁶ См.: Момдзян К.Х. Универсальные потребности и родовая сущность человека // Вопросы философии. 2015. № 2. С. 3–15.

⁷ См.: Момдзян К.Х. Социально-философский анализ феномена свободной воли // Вопросы философии. 2017. № 9. С. 68–81.

не отменяет свободу воли, поскольку подчинение ему выступает как осознанный, хотя и нежелательный выбор человека).

Таким образом, проектные возможности персонального сознания, его способность влиять на индивидуальный образ жизни не вызывают никакого сомнения. Меня, однако, интересуют потенции intersубъективного, коллективного сознания людей, представленного наукой, правом, моралью, различными идеологическими доктринами, способность такого сознания влиять на ход общественной жизни, изменяя надиндивидуальные реалии человеческого существования. Эти потенции несомненны, доказательством чему является радикальное изменение мира, осуществленное за тысячелетия человеческой истории.

При этом мы видим кардинальное различие между способностью людей проектировать *объектную среду* своего существования и их способностью создавать и контролировать *организационные условия* собственной жизни, меняя основы и формы человеческого общежития. Неудивительно, что блестящие достижения научной и инженерной мысли, создавшей эффективную *техносферу* человеческой жизни, контрастируют с провалами в организации *социосферы*, о причинах которых мучительно размышляли и размышляют теоретики⁸.

Долгое время социальная история людей развивалась стихийно, хотя формы этой стихийности были различны. В рамках *событийной истории*, творимой биографически конкретными людьми, стихийность проявлялась как несоответствие между *ожиданиями* исторических акторов и реально полученными *результатами* их целенаправленных действий, благодаря чему в событийной истории, как сетовал Энгельс, «до сих пор результаты всегда оказывались иными, чем те, каких желали, а... в большинстве случаев даже противоположными тому, чего желали»⁹. И в самом деле, чаще всего событийная история развивалась по принципу «параллелограмма сил», когда отдельные желания людей, сталкиваясь между собой, «гасили» друг друга, порождая некоторую спонтанную равнодействующую силу.

Иной была связь проектного сознания с *безличными структурами* человеческой истории, которые стоят за ее конкретными событиями и влияют на их характер. Речь идет об устойчиво воспроизводимых общественных *отношениях* между типизированными субъектами¹⁰, образующих матрицы социального взаимодействия, которые создают систему безличных социальных ролей и статусов, занимаемых реальными людьми («феодал», «капиталист», «президент» и пр.).

⁸ «Почему мы, – спрашивает Э. Гидденс, – живем в вышедшем из-под контроля мире, так отличающемся от того, которого ожидали мыслители Просвещения? Почему всеобщее употребление “милосердного разума” не создало мир, подвластный нашему предсказанию и контролю?» (Гидденс Э. Последствия современности. М., 2011. С. 294).

⁹ Энгельс Ф. Из подготовительных работ к «Анти-Дюрингу» // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 20. 2-е изд. М., 1961. С. 639.

¹⁰ Под общественными отношениями понимаются устойчивые, воспроизводимые зависимости между субъектами коллективной деятельности, которые определяют сам факт и характер связи между ними, понимаемой как взаимная согласованность изменений. Общественные отношения относятся к числу *реальных* отношений, порождающих связь, в отличие от *номинальных* отношений, в основе которых лежат сходства и различия между несвязанными объектами.

В этом контексте стихийность истории представляла собой нечто большее, чем несоответствие реального результата предвосхищающей его цели. Речь шла не об «ошибках» планирования, а о фактическом *неучастии* сознания в проектировании организационных структур, которые складывались как «побочный» результат совместной деятельности людей, а не создавались ими осознанно¹¹. Единожды возникнув, эти структуры обретали собственную логику развития, порождая объективные *социальные процессы*, имеющие спонтанный характер в отличие от целенаправленных действий, продуктом которых они являются¹².

Главное ограничение конструктивных возможностей сознания было связано с его малым участием в формировании того, что Маркс называл *базисом* общества. Люди осознанно создавали *производственно-технологическую* основу способа производства, чего нельзя сказать о системе *производственно-экономических отношений*, представляющих собой устойчивые субъект-субъектные зависимости, возникающие в процессе разделения труда и распределения его условий и продуктов. Характер таких отношений определялся сложившимся уровнем развития средств труда и объективно заданных способов человеческого участия в процессе производства. Подобный экономический *уклад общественной жизни* возникал в прошедшей истории по преимуществу стихийно, а не вследствие сознательных намерений. Очевидно, что человек, придумавший паровой двигатель, не имел ни малейшего представления о грандиозных подвижках экономического базиса, последовавших за внедрением его изобретения, и ни малейшего намерения производить эти изменения.

Так же стихийно складывался *социальный уклад общественной жизни*¹³, в основе которого лежит уже упоминавшаяся система *социальных ролей* (в ином понимании категории «роль») и *статусов*, зависящая от производственных отношений и выступающая в качестве институциональной основы групповой дифференциации, распределения людей по объективно-

¹¹ Сознание не участвует в генезисе социальных структур в качестве производящей *причины*, однако является условием возникновения последних. Как справедливо утверждает Рой Бхаскар, «социальные структуры, в отличие от природных структур, не существуют независимо от видов деятельности, направляемых ими» и «независимо от идей и представлений субъектов» (Бхаскар Р. Общества // Социо-логос. Вып. 1: Общество и сферы смысла. М., 1991. С. 231).

¹² Как справедливо отмечает В.А. Ядов, «даже если усилия социальных акторов нередко приводят к неожиданным, незапланированным последствиям, эти последствия не перестают быть продуктом их действий» (Ядов В.А. Россия как трансформирующееся общество: резюме многолетней дискуссии социологов // Общество и экономика. 1999. № 10–11. С. 45).

¹³ Говоря об экономическом и социальном *укладах* общественной жизни, я отличаю их от подсистем общества, именуемых *сферами* общественной жизни. В основе выделения последних лежит определенный вид производства, создающий необходимые условия коллективного существования людей. Речь идет о предметах практического назначения или вещах, создаваемых хозяйственной деятельностью (материальным производством); определенной информации, создаваемой духовным производством; непосредственной человеческой жизни, которую создает социальная (в узком значении термина) деятельность; формах общения людей, которые производит деятельность организационно-политическая. В основе *укладов* общественной жизни лежит не производство, а «распределение структурных условий действия... (а) производительных сил и ресурсов (всех видов, включая, например, познавательные ресурсы) к лицам (и группам) и (б) лиц (и групп) к функциям и ролям» (Бхаскар Р. Указ. соч. С. 234). Соответственно, уклады общественной жизни выступают как инфраструктурный компонент в рамках любой из подсистем общества.

статусным группам¹⁴. Никто в предшествующей истории не ставил перед собой сознательную цель создать институт моногамной семьи, класс крестьянства, феодальной знати или буржуазии – подобные группы возникали «сами по себе» задолго до того, как их существование осознавалось людьми.

Конечно, не все институциональные образования человеческой жизни складывались стихийно – многие структуры, которые в марксистской традиции принято относить к надстроечным (такие, как государство или церковь), были, по словам Энгельса, сознательно изобретены людьми. Проектная роль сознания в процессе их возникновения и трансформации не вызывает сомнений, и тем не менее эта роль имела, по существу, вынужденный характер, далекий от свободного «жизнетворчества». Это значит, что люди изобретали то, что должно было возникнуть в силу исторической необходимости, которая проходила через сознание акторов, но не зависела от их воли. В подобных случаях, по словам Энгельса, работал информационный механизм, согласно которому люди заранее знали «необходимость изменения общественного строя (*sit venia verbo*), вызванного изменением отношений» и желали такого изменения, «прежде чем оно будет навязано им помимо их сознания и воли»¹⁵.

Используя известные слова Канта, мы можем сказать, что в предыдущей истории проектное сознание, обращенное на организационные структуры общества, играло две разные роли. Первой из них была пассивная роль слуги, несущего шлейф за госпожой (исторической необходимостью), когда сознание не участвовало в генезисе базисных структур, фиксируя их постфактум и сопровождая их возникновение последующей юридической регламентацией. Второй была более активная роль факелоносца, идущего перед своей госпожой, освещая избранный ею маршрут. Важно понимать, однако, что и в этом случае активность сознания оставалась служебной, поскольку выбор «освещаемого» пути не зависел от воли факелоносца. В этой связи проектное сознание уместно уподобить поводырю, который помогает слепому в его перемещениях, но не руководит ими. Спорить с такой трактовкой могут лишь убежденные сторонники социально-философского идеализма, подобные О. Контю, утверждавшему: «...мне не нужно доказывать, что миром управляют и двигают идеи или, другими словами, что весь социальный механизм основывается окончательно на мнениях»¹⁶.

Возникает вопрос: не изменилась ли роль проектного сознания в условиях XX и XXI вв.? Я склонен дать утвердительный ответ на этот вопрос, связывая его с двумя фундаментальными обстоятельствами. Первое – расширение границ сознательного контроля, его распространение на сферы общественной жизни, в которых ранее преобладала стихийная модель изменения. Как справедливо отмечает Ю. Хабермас, XX век оказался веком существенного «расширения общественных сфер, подчиненных стандартам рационального решения»¹⁷. Колоссально возросла роль планирования,

¹⁴ Процесс институционализации, по справедливому замечанию П. Бергера и Т. Лукмана, основан на «типизации опривыченных действий... Институт исходит из того, что действия типа X должны совершаться деятелями типа X» (Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. М., 1995. С. 92).

¹⁵ Энгельс Ф. Указ. соч. С. 639.

¹⁶ Comte A. Cours de philosophie positive. Les Préliminaires généraux et la philosophie mathématique. Vol. I. Paris, 1869. P. 536.

¹⁷ Хабермас Ю. Техника и наука как «идеология». М., 2007. С. 50.

направленного «на организацию, улучшение или расширение систем самого целерационального действия»¹⁸. Речь идет прежде всего о контроле над процессами создания, распределения и обмена разнообразных жизненных благ, создаваемых разными видами общественного производства. Мало того что научно-инженерные знания превратились в определяющий компонент производительных сил, что позволяет людям в кратчайшие сроки превратить лабораторное открытие в отрасль промышленности. Современная история продемонстрировала возможности сознания оказывать огромное воздействие на систему ранее автономных производственно-экономических отношений – не только деструктивное, как в случае с большевистским огосударствлением экономики, но и успешное, примером чему могут служить кейнсианские изменения в экономике капитализма, реформы Рейгана и Тэтчер, глубинные экономические трансформации, осуществленные по рецептам Ден Сяопина, Ли Куан Ю и др.

Время показало, что сознание людей способно менять не только базис общества, но и *социальный уклад общественной жизни* – такие, в частности, его компоненты, как гендерные группы и институт традиционной семьи, имевшие в прошлой человеческой истории объективно-статусный, а не референтный характер. Это значит, что состав и композиция подобных групп определялись независимо от желания и воли людей: человек принадлежал к мужскому полу, поскольку был рожден мужчиной, а семья по определению основывалась на браке между мужчинами и женщинами. Современное сознание, как мы видим, способно превратить пол в свободно избираемый гендер, изменить устои семейной организации, сняв юридические запреты на пути создания однополых семей и др.

Очевидным проявлением растущей роли проектного сознания стало изменение институциональных основ общественной жизни, связанное с процессом глобализации, развитием человечества в «направлении целостности» (К. Маркс). Речь идет о конструировании наднациональных систем управления, перенимающих значительную часть суверенитета у ранее автономных стран и народов.

Важно понимать, однако, что возросшие возможности проектного сознания связаны не только с его территориальной экспансией, расширением сферы сознательного контроля. Мы имеем более существенное изменение, при котором проектное сознание не ограничивается ролью «факелоносца», поводыря исторической необходимости и начинает конструировать социальную реальность в соответствии с ценностными предпочтениями людей, в основе которых лежит не рефлексия *сущего*, но представления о *должном* социальном устройстве. То, что в предыдущей истории имело характер отвлеченного «социального проповедничества» (Г. Босков), превращается в вид социальной инженерии, имеющей очевидные практические следствия.

Вся история XX и начала XXI в. свидетельствует о беспрецедентном воздействии разнообразных идеологем на основы социально-экономического и политического устройства общества. Это воздействие объясняется разными причинами и имеет разные последствия, как позитивные, так и негативные. В начале XX в. гипертрофия проектного сознания осуществлялась не от «жизни хорошей» – она имела компенсаторный характер, при котором идеология черпала свою силу в катаклизмах истории, выступая как «рецепт»

¹⁸ Хабермас Ю. Техника и наука как «идеология». С. 50.

преодоления жизненных трудностей. Именно такой характер имела идеология германского фашизма, стремившаяся «спасти» немецкую нацию от послевоенной катастрофы, предложив ей доктрину расового господства над «унтерменшами». То же можно сказать об идеологии большевизма, считавшей средством спасения России и всего человечества ликвидацию класса «угнетателей и эксплуататоров». Во всех этих случаях проекты общественного переустройства основывались на ошибочных постулатах, исключающих возможность их долгосрочной реализации. Фактически идеология осуществляла беспрецедентное насилие идей над живой жизнью, стремясь переустроить глубинные основы общества в соответствии с некоторыми «кабинетными» умозрениями. Масштабы подобной экспансии, связанные с прогрессом информационных технологий, многократно превысили прежние скромные попытки общественного сознания подчинить себе общественное бытие в духе экзерсисов утопического социализма (а-ля фаланстеры Фурье), «жизнетворчества» якобинцев, «духоборства» сектантов и пр.

С ходом истории существенно изменилось как качество социальных проектов, так и причины, побуждающие людей создавать и реализовывать их. Я полагаю, что современное проектное сознание, набирающее силу в наиболее развитых странах Запада, имеет своим источником не ухудшение, а улучшение качества человеческой жизни, в результате которого изменилась субординационная связь в системе человеческих потребностей, которую А. Маслоу именовал *препотентностью*. Согласно принципу препотентности, в условиях острой депривации жизнеобеспечивающих нужд сознание большинства людей концентрируется на задачах выживания, игнорируя высшие экзистенциальные потребности человека, которые отменяются как не имеющие значения. «Свобода, любовь, чувство товарищества, уважение, философия, – пишет Маслоу, – все это может быть отвергнуто как бесполезные безделушки, поскольку они не могут наполнить желудок»¹⁹.

Именно эта закономерность оказалась нарушенной. В результате колоссального прогресса науки и технологий в послевоенном западном мире возникла, по словам Р. Инглхарта, «исторически беспрецедентная степень экономической безопасности», которая стала восприниматься послевоенными поколениями как естественное состояние общества. Для многих граждан удовлетворение физиологических потребностей и потребности в безопасности стало рутинным делом, напоминающим удовлетворение гомеостатической потребности в кислороде, необходимость которого является социально нейтральным фактором, не имеющим сколь-нибудь значимых следствий для образа жизни людей.

В результате сознание человека освободилось от диктата императивов выживания, сохранения *факта жизни* и получило возможность сконцентрироваться на ее *качестве*, соответствующем экзистенциальным потребностям людей (потребностям в любви и принадлежности, самоуважении и самоутверждении, самоактуализации и свободе и т.д.). «Благодаря современности, – справедливо отмечает Э. Гидденс, – становится возможным активный процесс формирования рефлексивной “самоидентичности”, которая становится доминирующим фактором поведения»²⁰. Происходит грандиозная трансформация, ведущая «к постепенному сдвигу приоритета

¹⁹ Маслоу А. Мотивация и личность. СПб., 2019. С. 62.

²⁰ Гидденс Э. Указ. соч. С. 292.

от «материалистических» ценностей (когда упор делается прежде всего на экономической и физической безопасности) к ценностям «постматериальным» (когда на первый план выдвигаются самовыражение и качество жизни)²¹. «В значительной части мира, – продолжает Инглхарт, – нормы индустриального общества, с их нацеленностью на дисциплину, самоотвержение и достижения, уступают место все более широкой свободе индивидуального выбора жизненных стилей и индивидуального самовыражения»²². «Акцент в культурной сфере смещается от коллектива и дисциплины к свободе личности, от групповой нормы к индивидуальному многообразию, от власти государства к личной независимости, порождая синдром, который мы определили как ценности самовыражения»²³.

Конечно, далеко не все граждане западных стран свободны от забот выживания, и экономические конфликты все еще не редкость в западной повестке дня. Однако протестные движения, охватившие ныне США и Западную Европу (такие как движение BLM, MeToo и др.), показывают, что истоки социального недовольства существенно изменились. Если ранее они были связаны с мотивами классового неравенства и эксплуатации, то ныне начинает доминировать идеологический протест против нарушения экзистенциальных прав граждан, возможности их свободной самореализации и самовыражения. Речь идет о борьбе против расовых, гендерных, сексуальных, ювенальных и прочих предрассудков, которые, по мнению протестующих, укоренены в общественном сознании и должны быть устранены из него самыми решительными средствами. Можно утверждать, что экономические доминанты поведения все чаще уступают место «идентитарному детерминизму», исходящему из приоритета экзистенциальных ценностей и считающему, что социальная несправедливость порождается прежде всего «дурной идеологией», ущемляющей права человека на собственную идентичность и свободу самовыражения.

Конечно, мы не можем быть уверены в том, что благоприятная экономическая конъюнктура, позволяющая многим людям не думать о хлебе насущном и свободно проектировать собственную жизнь, сохранится навсегда²⁴. Однако это обстоятельство имеет место и заставляет нас признать, что роль «экзистенциального проектирования» в общественной жизни на данный момент истории существенно возрастает.

Я убежден, что стремление изменить общественную жизнь, поставив во главу угла экзистенциальные ценности людей, и прежде всего ценность индивидуальной свободы, можно только приветствовать. Либеральный проект в моих глазах имеет несомненные преимущества перед альтернативными проектами, которые руководствуются идеями национальной, социальной или религиозной исключительности. Однако не следует закрывать глаза на то, что масштабный проект либерализации сопровождается множеством идео-

²¹ Инглхарт Р. Постмодерн: меняющиеся ценности и изменяющиеся общества // Полис. 1997. № 4. С. 7–8.

²² Там же. С. 10.

²³ Там же.

²⁴ Период безудержного оптимизма, апофеозом которого стала идея Ф. Фукуямы о свершившемся «конце истории», сменился весьма настороженными прогнозами дальнейшего развития истории. Такова, к примеру, позиция Иммануэля Валлерстайна, считающего, что «динамика развития на протяжении ближайшей половины столетия или около того, возможно, в гораздо большей степени чревата новыми чертами великого мирового хаоса» (Валлерстайн И. После либерализма. М., 2003. С. 30).

логических «перехлестов». К большому сожалению, во многих западных странах идеи либерализма обрели утрированную, а порой и окарикатуренную форму, основанную на принципах гипериндивидуализма. Мне уже приходилось писать о философских истоках такой идеологии, каковыми я считаю доктрину «методологического индивидуализма»²⁵ в ее радикальной номиналистической разновидности. Если прежние социоцентристские идеологии субстанциализировали общество в ущерб человеку, рассматривая последнего как «клеточку» общества, не имеющую собственных потребностей, интересов и целей, то радикальный методологический индивидуализм проводит обратную субстанциализацию человека. Эта номиналистическая доктрина трактует общество как «терминологическую», а не онтологическую реальность, отрицая наличие у общества собственных интегральных свойств, несводимых к свойствам образующих его людей. В духе англо-канадского философа Яна Ярви (Ian Jarvie), считавшего, что армия – это множественное число от слова «солдат»²⁶, общество понимается как множественное число от слова «человек». Это означает, что отрицается или ставится под сомнение существование или значимость любых и всяких надындивидуальных реалий общественной жизни, включая *общественные интересы*²⁷, отличные от сугубо индивидуальных интересов отдельных людей. Именно эта философская презумпция фундирует веру в безоговорочный и безусловный примат индивидуального над коллективным, группового над общественным.

К сожалению, немалые «перегибы» либерального проекта характерны не только для его внутривполитической платформы, основанной на принципе «идентитарного детерминизма», но и для его внешнеполитической программы, связанной с приматом глобализационных процессов над обособлением национальных государств. У меня нет сомнений в объективном характере процессов глобализации, вызванных интенсификацией экономических, политических и культурных интеракций современных стран и народов. Нельзя не согласиться со словами З. Баумана, утверждающего, что «глобализация – это неизбежная фатальность нашего мира, необратимый процесс; кроме того, процесс, в равной степени и равным образом затрагивающий каждого человека»²⁸.

Однако и в этом случае мы сталкиваемся с неправомерной абсолютизацией разумных идей, в результате чего объективное отношение к процессам

²⁵ См.: *Поппер К.* Нищета историцизма. М., 1993

²⁶ См.: *Jarvie I.* Reply to Taylor // *Universities and Left Review.* 1959. No. 7. P. 57.

²⁷ Номиналистическому отрицанию общественных отношений противостоит столь же ошибочная позиция методологического коллективизма, который считает носителем общественных интересов само общество, понятое в качестве интегративного актора, обладающего собственными субъектными свойствами, отсутствующими у образующих общество людей. Автор убежден в том, что наиболее адекватной является позиция умеренного методологического индивидуализма, который признает существование общества как институциональной, а не субъектной реальности. Соответственно, общественными интересами следует считать *схожие* интересы людей, но лишь тогда, когда они вызывают совместную скоординированную деятельность, направленную на их удовлетворение.

²⁸ *Бауман З.* Глобализация. Последствия для человека и общества. М., 2004. С. 10. Ту же позицию занимает Н. Луман, уверенный в том, что «все функциональные системы тяготеют к глобализации, и переход к функциональной дифференциации... может найти завершение только в установлении системы мирового общества. Пространственные границы не имеют смысла в функциональных системах, настроенных на универсализм и спецификацию...» (*Луман Н.* Общество общества. Кн. 4–5. М., 2010. С. 228).

глобализации заменяется весьма радикальной ее интерпретацией, настаивающей на «изживании» национальных государств, рассматриваемых в качестве исторического пережитка. Странники такого подхода вырабатывают масштабные проекты будущего, в котором этнические институты лишаются всяких экономических и политических полномочий и обретают характер «клубов по интересам», превращаясь постепенно в музейные реликвии.

Я полагаю, что историческая практика уже сейчас показывает утопический, социально-деструктивный характер такого проектирования. Примером может служить признанный ведущими политиками Запада кризис доктрины мультикультурализма, показавший, к чему могут привести благодушные фантазии об «истории без имен народов» (О. Конт), призывы к «жертвенной самоликвидации» национальных государств²⁹, имеющих тысячелетнюю историю и вовсе не желающих исчезать с исторической сцены. Конечно, мы не можем исключать того, что в ходе дальнейшего развития на планете Земля останется одно-единственное социальное образование в виде планетарно интегрированного человечества. Однако я глубоко убежден в том, что подобный сценарий, связанный с необратимыми потерями для человеческой культуры, не следует стимулировать принудительно, пытаясь провести «коллективизацию народов» методами, вызывающими нежелательные исторические реминисценции.

Говоря о проблемных сторонах современного социального проектирования, следует вспомнить экологические движения, которые руководствуются благой целью – защитить среду обитания Homo Sapiens от разрушительных действий со стороны Homo Faber. Нельзя не одобрить деятельность экологов, которые противодействуют попыткам транснациональных корпораций максимизировать прибыли любой ценой, угрожающей будущим поколениям людей. Однако, выступая против немалых опасностей техногенного развития, экологи нередко встают в позицию некритического алармизма, преувеличивая эти опасности и предлагая нереалистические способы борьбы с ними, чреватые возвратом к пещерному образу жизни.

Может возникнуть вопрос: с какой целью автор социально-философской статьи говорит о «перегибах» современного проектного сознания, которые должны интересовать скорее экономистов, политологов и представителей других более конкретных наук? Еще один вопрос: можно ли вообще говорить об «ошибках» ценностного сознания, если оно основано на свободном выборе приоритетов и по определению не подлежит гносеологической верификации?

Отвечая на эти вопросы, следует понимать фундаментальное различие между суждениями ценности и суждениями значимости. В основе первых лежит осмысление «ценностей как целей», в то время как вторые представляют собой оценку «ценностей как средств» (П. Сорокин). Дело в том, что конечные цели жизни, свободно избираемые людьми, самим своим содер-

²⁹ Призыв к «жертвенной самоликвидации» Франции, ее «растворению в тигле мультикультурализма» содержался в докладе члена Госсовета Франции Тьерри Тюо, подготовленном по заказу Франсуа Олланда. Именно в такой самоликвидации автор доклада усматривал подлинное «историческое величие Франции». Нужно сказать, что растущие протесты евроскептиков, оформляющихся во влиятельные политические партии, заставляют ультралибералов смягчать подобные требования (о чем свидетельствует, в частности, недавний призыв Эммануэля Макрона восстановить доктрину патриотизма, пусть и в паллиативной «инклюзивной» форме).

жанием предопределяют характер средств, годных для их достижения. Как говорил Гёте: «свободен только первый шаг, но мы рабы второго». Это означает, что оценочные суждения значимости, используемые любой идеологией, вполне могут быть истинными или ложными, соответствующими или не соответствующими объективной логике развития событий.

Учет этого обстоятельства позволяет утверждать, что рост возможностей проектного сознания не превращает его в полноправного демиурга общественной жизни, утратившей свой объективный характер. Нельзя согласиться с тем, что сознание, свободное от диктата выживания, обретает свободу делать все, что хочет, что его проектные функции не ограничены более ничем, кроме пределов человеческой фантазии.

Дело в том, что социальное конструирование не является процессом произвольным. Как и всякое конструирование, оно предполагает наличие, понимание и использование некоторых объективных законов нашего мира, необходимых для достижения желаемого. В самом деле, сознание способно придумать самолет, но он полетит лишь в том случае, если конструкция не нарушает законы аэродинамики. В этом плане свобода сознания изменять наш мир не является абсолютной, это всегда свобода в рамках возможного.

Точно так же конструирование социосферы предполагает наличие некоторых объективных законов общественной жизни. Конечно, они существенно отличаются от законов природы. Последние, как правило, имеют характер законов-предписаний, которые в принципе нельзя нарушить. Невозможно построить реально работающий мост, который противоречил бы формулам классической механики, сопромата и прочее.

Социальная инженерия имеет дело с другими законами, которые можно назвать законами-ограничениями. Эти законы позволяют свободной человеческой воле не только придумывать, но и реализовывать весьма химерические образования, но они жестко ограничивают дееспособность социальных конструктов, неспособных удовлетворять объективные потребности и интересы людей, стремящихся сохранить факт и качество своей жизни. Не удовлетворяющая этому условию общественная конструкция рано или поздно обрушивается на головы своих строителей или их потомков.

Так было всегда и так будет всегда: идея посрамляла и всегда будет посрамлять себя, когда она отрывается от реальных человеческих нужд. Рост конструктивных возможностей сознания, по моему убеждению, никак не отменяет эту аксиому. Он ставит под сомнение не идею объективных законов общественной жизни, но фаталистическое восприятие истории, исходящее из убеждения в предзаданности исторических событий и стоящих за ними социальных структур. Впрочем, этой теме была посвящена предыдущая публикация автора³⁰.

Список литературы

- Бауман З. Глобализация. Последствия для человека и общества / Пер. с англ. М.Л. Коробочкина. М.: Весь мир, 2004. 188 с.
- Бхаскар Р. Общества / Пер. с англ. А.Д. Ковалева // Социо-логос. Вып. 1: Общество и сферы смысла / Сост. и общ. ред. В.В. Винокурова и А.Ф. Филиппова. М.: Прогресс, 1991. С. 219–240.

³⁰ См.: Момджян К.Х. О фаталистическом понимании истории // Вестник Московского университета. Сер. 7: Философия. 2020. № 2. С. 48–62.

- Бергер П., Лукман Т.* Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания / Пер. с англ. Е. Руткевич. М.: Медиум, 1995. 323 с.
- Валлерстайн И.* После либерализма / Пер. с англ. М.М. Гурвица, П.М. Кудюкина, П.В. Феденко. М.: Едиториал УРСС, 2003. 256 с.
- Гегель Г.* Философская пропедевтика / Пер. с нем. Б.А. Драгуна // *Гегель Г.* Работы разных лет: в 2 т. Т. 2. М.: Мысль, 1971. С. 7–212.
- Гидденс Э.* Последствия современности / Пер. с англ. Г.К. Ольховикова, Д.А. Кибальчича. М.: Праксис, 2011. 352 с.
- Инглхарт Р.* Постмодерн: меняющиеся ценности и изменяющиеся общества // *Полис.* 1997. № 4. С. 6–32.
- Лиотар Ж.-Ф.* Состояние постмодерна / Пер. с фр. Н.А. Шматко. М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 1998. 159 с.
- Луман Н.* Общество общества. Кн. 4–5 / Пер. с нем. Б. Скуратова, А. Антоновского, К. Тимофеевой. М.: Логос; Гнозис, 2010. 608 с.
- Маслоу А.* Мотивация и личность / Пер. с англ. Т. Гутман, Н. Мухина. СПб.: Питер, 2019. 400 с.
- Момджян К.Х.* Социально-философский анализ феномена свободной воли // *Вопросы философии.* 2017. № 9. С. 68–81.
- Момджян К.Х.* Универсальные потребности и родовая сущность человека // *Вопросы философии.* 2015. № 2. С. 3–15.
- Момджян К.Х.* О проблеме общечеловеческих ценностей // *Вопросы философии.* 2020. № 3. С. 25–41.
- Момджян К.Х.* О фаталистическом понимании истории // *Вестник Московского университета.* Сер. 7: Философия. 2020. № 2. С. 48–62.
- Поппер К.* Ницшта историцизма / Пер. с англ. С. Кудриной. М.: Прогресс, 1993. 188 с.
- Хабермас Ю.* Техника и наука как «идеология» / Пер. с нем. М.Л. Хорькова. М.: Праксис, 2007. 208 с.
- Энгельс Ф.* Из подготовительных работ к «Анти-Дюрингу» / Пер. с нем.; ред. Г.А. Багатуря // *Маркс К., Энгельс Ф.* Сочинения. Т. 20. 2-е изд. М.: Госполитиздат, 1961. С. 629–654.
- Ядов В.А.* Россия как трансформирующееся общество: резюме многолетней дискуссии социологов // *Общество и экономика.* 1999. № 10–11. С. 45–55.
- Comte A.* Cours de philosophie positive. Les Préliminaires généraux et la philosophie mathématique. Vol. I. Paris: Bailliere, 1869. 742 p.
- Jarvie I.* Reply to Taylor // *Universities and Left Review.* 1959. No. 7. P. 57.
- Momdzhyan K.* Does Current Social Philosophy Develop Progressively? // *Metaphilosophy.* 2013. Vol. 44. No. 1–2. P. 19–23.

On the question of constructing social reality*

Karen H. Momdzhyan

Lomonosov Moscow State University. GSP-1, Leninskie Gory, Moscow, 119991, Russian Federation; e-mail: karm48@mail.ru

The article examines the role that the so-called project consciousness has in history. The author distinguishes a project consciousness from a reflective and a value consciousness. The latter perform orientational rather than constructive functions. The analysis of history shows that there is a cardinal difference between the ability of people to change

* The article was prepared within the framework of the Lomonosov Moscow State University Scientific and Educational School “Preservation of the World Cultural and Historical Heritage” and also with the support of the Russian Foundation for Basic Research and the CAON, project No. 21-511-93006.

the technosphere of their existence and their ability to create and control the institutional conditions of their own life, changing the foundations and forms of human society. Human consciousness has played and continues to play an important role in the “eventful history” created by concrete people in specific circumstances of space and time. The same cannot be said about its ability to purposefully create and change the deep structures of history, to construct impersonal social relations acting as matrices of social interaction behind historical events. This possibility appears only in the XX century, marked by a sharp increase in the potential of project consciousness. It manifests itself first of all in the expansion of the possibilities of conscious control, penetrating into the spheres of social life, where previously the spontaneous model of development dominated. In addition, project consciousness acquires an unprecedented ability to make large-scale changes in social life not under the pressure of historical necessity, but in accordance with the value priorities of people, their ideas about proper social order. The article examines the causes of this transformation, which has both positive and negative consequences. The author draws attention to the errors and illusions of project consciousness that can lead to episodic violence of ideas over human life. But this does not mean that the human will turns into the full-fledged demiurge of history, capable of realizing any desires and fantasies. History retains its law-governed character being operated by the law according to which ideas shame themselves sooner or later when they become detached from the objective needs and interests of people.

Keywords: consciousness, history, social relations, construction, ideology, needs, interests, laws

For citation: Momdzyan, K.H. “K voprosu o konstruirovanii sotsial’noi real’nosti” [On the question of constructing social reality], *Filosofskii zhurnal / Philosophy Journal*, 2021, Vol. 14, No. 4, pp. 38–52. (In Russian)

References

- Bauman, Z. *Globalizatsiya. Posledstviya dlya cheloveka i obshchestva* [Globalization: The Human Consequences], trans. by M.L. Korobochkin. Moscow: Ves mir Publ., 2004. 188 pp. (In Russian)
- Berger, P. & Luckmann, T. *Sotsial’noe konstruirovaniye real’nosti. Traktat po sotsiologii znaniya* [The Social Construction of Reality. A Treatise on sociology of Knowledge], trans. by E. Rutkevich. Moscow: Medium Publ., 1995. 323 pp. (In Russian)
- Bhaskar, R. “Obshchestva” [Societies], trans. by A.D. Kovalev, *Sotsio-logos, Vyp. 1: Obshchestvo i sfery smysla* [Socio-logos, Vol. 1: Society and Spheres of Meaning], ed. by V.V. Vinokurov and A.F. Filippov. Moscow: Progress Publ., 1991, pp. 219–240. (In Russian)
- Comte, A. *Cours de philosophie positive. Les Préliminaires généraux et la philosophie mathématique*, Vol. I. Paris: Bailliere, 1869. 742 pp.
- Engels, F. “Iz podgotovitel’nykh rabot k ‘Anti-Dyuringu’” [Herrn Eugen Dührings Umwälzung der Wissenschaft], ed. by G. Bagaturiya, in: K. Marx & F. Engels, *Sochineniya* [Works], Vol. 20, 2nd ed. Moscow: Gospolitizdat Publ., 1961, pp. 629–654. (In Russian)
- Giddens, A. *Posledstviya sovremennosti* [The Consequences of Modernity], trans. by G.K. Olshovikov and D.A. Kibalchich. Moscow: Praksis Publ., 2011. 352 pp. (In Russian)
- Habermas, J. *Tehnika i nauka kak ‘ideologiya’* [Technik und Wissenschaft als ‘Ideologie’], trans. by M.L. Khorkov. Moscow: Praksis Publ., 2007. 208 pp. (In Russian)
- Hegel, G. “Filosofskaya propedeutika” [Philosophische Propädeutik], trans. by B.A. Dragun, in: G. Hegel, *Raboty raznykh let* [Works of different years], Vol. 2. Moscow: Misl’ Publ., 1971, pp. 7–212. (In Russian)
- Inglehart, R. “Postmodern: menyayushchiesya tsennosti i izmenyayushchiesya obshchestva” [Postmodern: Changing Values and Changing Societies], *Polis*, 1997, No. 4, pp. 6–32. (In Russian)
- Jarvie, I. “Reply to Taylor”, *Universities and Left Review*, 1959, No. 7, p. 57.

- Luhmann, N. *Obshchestvo obshchestva*, Kn. 4–5 [Die Gesellschaft der Gesellschaft, IV–V], trans. by B. Skuratov, A. Antonovskii and K. Timofeeva. Moscow: Logos Publ.; Gnozis Publ., 2010. 608 pp. (In Russian)
- Lyotard, J.-F. *Sostoyanie postmoderna* [La condition postmoderne: rapport sur le savoir], trans. by N.A. Shmatko. Moscow: Institut eksperimental'noi sotsiologii Publ.; St. Petersburg: Aleteiya Publ., 1998. 159 pp. (In Russian)
- Maslow, A. *Motivatsiya i lichnost'* [Motivation and personality], trans. by T. Gutman and N. Mukhina. St. Petersburg: Piter Publ., 2019. 400 pp. (In Russian)
- Momdzhyan, K. “Does Current Social Philosophy Develop Progressively?”, *Metaphilosophy*, 2013, Vol. 44, No. 1–2, pp. 19–23.
- Momdzhyan, K.H. “O probleme obshchechelovecheskikh tsennostei” [On the problem of universal values], *Voprosy filosofii*, 2020, No. 3, pp. 25–41. (In Russian)
- Momdzhyan, K.H. “O fatalisticheskome ponimanii istorii” [On a fatalistic understanding of history], *Vestnik Moskovskogo universiteta, Seriya 7: Filosofiya*, 2020, No. 2, pp. 48–62. (In Russian)
- Momdzhyan, K.H. “Sotsial'no-filosofskii analiz fenomena svobodnoi voli” [Socio-Philosophical Analysis of the Phenomenon of Free Will], *Voprosy filosofii*, 2017, No. 9, pp. 68–81. (In Russian)
- Momdzhyan, K.H. “Universal'nye potrebnosti i rodovaya sushchnost' cheloveka” [Universal human needs and a generic human essence], *Voprosy filosofii*, 2015, No. 2, pp. 3–15. (In Russian)
- Popper, K. *Nishcheta istoricizma* [The Poverty of Historicism], trans. by S. Kudrina. Moscow: Progress Publ., 1993. 181 pp. (In Russian)
- Wallerstein, I. *Posle liberalizma* [After Liberalism], trans. by M.M. Gurvic, P.M. Kudyukin and P.V. Fedenko. Moscow: URSS Publ., 2003. 256 pp. (In Russian)
- Yadov, V.A. “Rossiya kak transformiruyushcheesya obshchestvo: rezyume mnogoletnei diskussii sotsiologov” [Russia as a Transforming Society: Summary of Long-Term Discussion of Sociologists], *Obshchestvo i ekonomika*, 1999, No. 10–11, pp. 45–55. (In Russian)